

Если хочется сделать что-нибудь эдакое, если назрела необходимость проверить себя на уживчивость и неприхотливость, можно взять палатку, покидать в рюкзак спальник, миски-кружки-ложки, коврики и пару шмоток и отправиться на месяц в Крым жить в пяти метрах от моря, прямо на диком галечном пляже рядом с десятками таких же чудаков, как ты.

О том, как это, невозможно просто взять и рассказать. Зато можно собрать мозаику, кусочки которой были пойманы в блокнот то тут, то там, но всегда - вовремя. И тогда получится, что Крым дикарём - это:

- когда вода чуть холоднее парного молока, и если утром удалось до солнца застать прохладное море, считай – повезло;

- когда просыпаешься ночью от того, что за соседней палаткой подвыпившая компания, весь день громко матерившаяся и изрядно раздражавшая, поёт песни из Мери Поппинс, и ловишь себя на улыбке, потому что хорошо, чёрт возьми, поют;

- когда ночевавшие рядом парень и девушка оставляют соседям баклажку воды и батон хлеба.

- Когда слышишь вдруг восклицание из-под соседнего тента: «Народ, смотрите, дельфины!» Вскрываешь и видишь, что совсем недалеко от берега, там, куда ты часто заплываешь, ритмично выныривают-ныряют серые спины с плавниками, пять или шесть. Плыть к ним бессмысленно, не догонишь, разглядеть что-то кроме спин тоже не получается, и ты просто сидишь где сидел и понимаешь, что только что мир чуточку изменился: совсем рядом с тобой проплыли по своим делам

дельфины, они, наверное, часто где-то проплывают, и это - естественно. Это не чудо, не человеческая воля, просто так заведено в природе. Ты в своём городе этого раньше не знал, вернее, знал, но как-то не верил до конца. А теперь знаешь и веришь.

- Когда с вершины горы размеренно сползает большая дождевая туча, проскальзывая к морю, а тебе совершенно всё равно, будет ли дождь: ты не можешь отвести глаз от этого волшебства, а намочнуть не жалко, тем более что волосы и так вечно мокрые от моря;

- когда, добравшись наконец в первый день на берег, ты кидаешь тяжёлый рюкзак, который только что спустил по каменистым тропинкам метров на 250, снимаешь с себя город, дорогу и жару и с разбегу падаешь в волны;

- когда учишься терпению и тишине;
- когда ты, несмотря на густо уставленный палатками пляж, чувствуешь вокруг бесконечный простор, потому что в любой момент можешь отправиться в любую сторону, и в любом месте тебе будет хорошо;
- когда ты, всю жизнь панически боявшийся глубины, поплавок маячишь в море, где под тобой неизвестно сколько метров воды, и чувствуешь себя на правильном месте: туда можно хоть нырять, хоть падать – море бережно вынесет обратно, как несмышлёного ребёнка;
- когда у соседней палатки один мужчина учит другого играть на дарбуке, говоря: «Мягче надо, мягче. Как будто ты прикасаешься к женскому сердцу»;

- когда ты искренне не можешь ответить на вопрос: «Который час?», потому что делишь сутки только на утро-день-вечер-ночь, по солнцу, а большего тебе и не нужно.

- Когда ты с огромным трудом, щедро поливая потом и ворчанием крымскую землю, поднимаешься на высоту 700 метров над уровнем моря, продираясь по крутым сыпучим горным тропкам, заброшенным серпантинам, почти по звериным следам, добираешься наконец до вершины яйлы, делаешь ровно один вдох и тут же забываешь всё, что было по дороге, потому что от этой высокой, каменной, заволаживающе древней земли одуряющее пахнет терпкостью, яркостью, хвоей и ветром, и это то единственное, ради чего стоит... Ради чего стоит всё что угодно. Добравшись туда, уже просто нельзя быть как раньше.

- Когда, ноцую на вершине горы, понимаешь, что вот здесь, именно здесь, жизненно необходимо петь Визбора. И ты слышишь его голос в своём и видишь краем глаза, как он ласково и лукаво улыбается где-то совсем рядом. И понимаешь, что именно отсюда родом законы, по которым ты совершенно случайно всегда жил.

- Когда ранним утром сидишь на краю пропасти, заглядываешь через край вниз, где городок на берегу моря кажется картинкой из сказки, слушаешь залиvistый смех десятка ласточек в утренней дымке, слушаешь, как дышит море и по-утреннему беззлобно ворчит ветер, и тихонько, с надеждой спрашиваешь у спутников и Мироздания: «А можно я никуда отсюда не пойду?..»

- Когда место проверяет людей на совместимость и прочность;

- когда едешь в автобусе, не в силах оторваться от окна, за которым один холм убегает от другого, перехватывая у него лоскутное одеяло виноградников, полей и лесов, а ты даже не пытаешься взяться за фотоаппарат, потому что знаешь, что всё это невероятное и огромное можно только запомнить.

- Когда каждую мало-мальски внушительную тучку провожают задумчивым взглядом со словами: «Неужели будет дождь?!» Захватив с собой пару мусорных пакетов на случай долгожданного дождя, ты лежишь на лавочке в городском сквере, разморенный жарой, и вдруг понимаешь: капает. Ты от неожиданности – дождь здесь бывает раз в три-четыре недели – даже не сразу веришь глазам, а когда веришь, лениво достаёшь мусорный пакет, засовываешь в него сумку, кладёшь её обратно себе под голову и продолжаешь блаженно дремать, растянувшись во весь рост на скамейке. Сверху падают холодные капли, щекочут пятки, напоминая, что на свете ещё существует прохлада, хотя при температуре моря в тридцать градусов в это очень трудно поверить. А ты просто дремлешь под дождём, тебе совершенно никуда не надо, некуда торопиться, не нужно прятаться под крышу, мельтешить и нервничать.

- Когда спускаешься вечером на пляж по извилистой крутой тропке, смотришь с высоты вниз, а там что-то делают люди, доносится сразу несколько барабанно-гитарных мелодий, разжигают костры и смеются, и ты улыбаешься: тебе вдруг становится щемящее уютно и светло – ты вернулся домой. Ко всем этим раздолбаям, которые вечно одалживают то коврик, то крышку от кастрюли, напиваются, ругаются, сбивают в темноте верёвки от тента, стучат в барабаны до утра, поют (и хорошо, если хорошо поют). Ты прожил ещё один день у моря и вечером, возвращаясь в лагерь, ты снова видишь людей, большую часть которых едва ли помнишь в лицо, и улыбаешься, зная, что ты - дома.

- Когда утром в день отъезда ты просыпаешься за пять минут до будильника, который не прозвенел бы: вчера ты случайно его выключил. Просыпаешься от того, что по макушке ласково стучится мелкий дождик, а над морем стоит радуга, и небо как будто заманивает огромными рваными тучами, раскрасив их рассветным солнцем в ярко-розовый. Ты протираешь глаза, понимаешь, что всё это тебе всё-таки не снится – снится будет потом, уже дома – сворачиваешь спальник, собираешь вещи, и, ступая в последний раз на тропу, которая уведёт с пляжа наверх, в большой мир, тихонько, чтобы услышали только море и горы, шепчешь: «Я вернусь, честно-честно».

И больше уже не оборачиваешься.

